Моральная паника по поводу синтетических наркотиков в Республике Беларусь

Илья Станиславович Сульжицкий [1]

✉ ilya.sulzhickiy@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5628-3148

[1] Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь

Для цитирования статьи:
Сульжицкий, И. С. (2020). Моральная паника по поводу синтетических наркотиков в Республике Беларусь. *Фольклор и антропология города*, *III*(1–2), 78–105. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-78-105.

В данной статье заявляется, что моральные паники связаны с причинами культурного, т. е. символического и аффективного характера в большей степени, чем с групповыми интересами, социальной иерархией или борьбой за власть. Это подтвердилось в ходе анализа моральной паники по поводу синтетических наркотиков в Беларуси в 2008–2019 годы, которая проходила в несколько стадий. В рамках «нулевой стадии» консервативно настроенные группы (right-thinking groups) осуществляли первые попытки классификации появившихся в 2008 году синтетических наркотиков. Основная оппозиция этой стадии: статус синтетических наркотиков как, одновременно, легально-безвредных и нелегально-вредных. К концу нулевого периода синтетические наркотики, или так называемые спайсы, были классифицированы как нелегально-вредные большинством консервативно настроенных групп, а также независимыми и оппозиционными медиа. В рамках первой стадии происходило изменение статуса спайса из обычного нелегально-вредного в особый наркотик, который угрожает молодежи и, прежде всего, подросткам и их ментальному здоровью. В рамках второй стадии завершился переход спайса из профанного состояния нелегального наркотика в сакральное состояние абсолютного зла, которое является главной угрозой молодежи и будущему нации. Статус спайса окончательно кристаллизировался на фоне происходящих в стране резонансных смертей и приступов безумия, которые воспринимались обществом как вопиющие случаи нарушения морального порядка. Во время второй стадии произошли основные вспышки моральной паники, а стратегии репрезентации проблемы среди консервативно настроенных групп, оппозиционных и независимых медиа стали идентичными. На фоне моральной паники были приняты радикальные поправки в антинаркотическое законодательство, усиливались меры по осуществлению социального контроля, что было встречено положительно большинством обеспокоенных граждан. В рамках завершающей, третьей стадии происходит угасание моральной паники и трансформация спайса из абсолютного сакрального зла обратно в профанный нелегальный наркотик. Тема спайса в медиа перестает пользоваться популярностью после завершения громких судебных дел. В 2019 году организация «Матери-328» заявляет о необходимости гуманизации и пересмотра антинаркотической политики в Беларуси.

Ключевые слова: девиантное поведение, культурсоциология, моральная паника, наркотики, СМИ, спайс, социальный контроль

A moral panic over synthetic drugs in the Republic of Belarus

Ilya S. Sulzhytski [1]

✉ ilya.sulzhickiy@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5628-3148

[1] Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

To cite this article:
Sulzhytski, I. (2020). A moral panic over synthetic drugs in the Republic of Belarus. *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(1–2), 78–105. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-78-105.

This paper argues that moral panic is more connected with cultural reasons, both symbolic and affective, than with group interests, social hierarchy, or power struggle. This was confirmed by an analysis of the moral panic about synthetic drugs in Belarus in 2008–2019, which evolved in several stages. In the first stage (2008–2013) the so-called "right-thinking" groups tried to classify the the synthetic drugs that appeared in Belarusian drug market. The main opposition at this stage is the status of synthetic drugs as either legal and harmless or illegal and harmful. Synthetic drugs, or the so-called «spice», were classified by "right-thinking" groups and both independent and opposition media as illegal and harmful by the end of stage zero. The status of "spice" changed from an ordinary illegal and harmful drug to a specific one targeting young people and adolescents, especially their mental health. The transition of spice as an illegal drug from something routine and profane to the position of a sacralized absolute evil, the primary threat to the youth and the future of the nation, was completed in the second stage. This status of spice finally settled in against the background of headline-making deaths and psychotic outbreaks which were perceived as violating the moral order of the society. Major outbursts of moral panic occurred during the second stage, and the discourses of "right-thinking" groups and of independent and opposition media concerning the special dangers of spice became identical. Thus, radical changes in anti-drug legislation were adopted and measures of social control were stepped up. The majority of concerned citizens responded positively to the amendments. The moral panic gradually declined during the third stage. Spice was transformed from an absolute sacred evil to a routine illegal drug again. The topic of spice become unpopular in the media after high-profile court cases were over. Finally, in 2019 the "Mothers of 328" public movement argued that humanization and revision of anti-drug policy in Belarus was long due.

Keywords: deviant behavior, cultural sociology, moral panic, drugs, mass media, spice, social control

Введение

Ситуации острого общественного беспокойства по поводу наркотиков являются наиболее распространенными примерами моральных паник. Одна из классических работ Говарда Беккера по социологии девиантного поведения — «Аутсайдеры» — посвящена тому, как общество в лице «моральных предпринимателей» создает отклоняющееся поведение и его носителей, стигматизирует и изолирует «козлов отпущения», тем самым усиливая распространение девиаций в сформированной им же маргинальной среде [Беккер 2018]. Аналогичным образом исследования социологов в Великобритании описывали начавшуюся в 60-е годы моральную панику по поводу употребления марихуаны. В статье Джеймса Хэудона (James E. Hawdon) показывается, как возникавшая в 80-е годы в США паника по

поводу наркотиков — «белая чума» — была связана с выступлениями администраций Рональда Рейгана и Джорджа Буша-старшего [Hawdon 2001]. Используя ряд эмпирических проверок статистических связей между стадиями моральной паники и публичными выступлениями американских политиков, Джеймс Хэудон подтвердил гипотезу о том, что политическая риторика может «запустить» моральную панику по поводу той или иной проблемы. Эрих Гуд также описывает случаи беспокойства по поводу наркотиков в США как моральные паники [Goode 2008, 2020]. Нахман Бен-Иегуда осуществил попытку модифицировать социологическую теорию моральных паник на примере наркопотребления в Израиле и подчеркнул: «Ясно, что имеется достаточно доказательств того, что в разные периоды времени и в разных культурах наркотики традиционно были связаны с морально-идеологическими проблемами. С этой точки зрения "выбор" наркотиков в качестве проблемы, вокруг которой возникает моральная паника, не является исключительно израильским» [Ben-Yehuda 1986: 506]. Согласно мнению автора, на это есть две причины: во-первых, наркопотребление среди молодежи часто воспринимается как угроза будущему страны, и, во-вторых, паники по поводу наркотиков помогают поддерживать границы, отделяя правоверных членов сообщества от тех, кто «символизировал моральное вырождение, потерю контроля, неполноценность, опасность, отсутствие правильных идей и иррациональность». В совместной статье Эриха Гуда и Нахмана Бен-Иегуды 1994 года наркотики выделяются как одна из распространенных причин моральных паник: «Наркотики наделяются некой дьявольской или "колдовской" силой, которая подавляет потребителя и доминирует над ним» [Goode, Ben-Yehuda 1994: 163]. Петр Мейлахс говорит о начавшемся в России остром общественном беспокойстве по поводу распространения наркотиков в конце 1990-х — начале 2000-х годов. Социолог выделил ряд черт моральной паники, которые были схожи с аналогичными процессами в других странах мира: распространение наркотиков виделось как эпидемия и общенациональная катастрофа; наркомания сравнивалась с инфекцией, способной привести к «заражению»; отдельные случаи тяжелых преступлений, связанных с наркотиками, обозначались в СМИ как типичные и «очередные»; происходила персонификация зла в образе наркомана как зараженного нечистой силой, от которой ничто не может уберечь [Meylakhs 2004: 143–150].

Вспышки моральных паник по поводу распространения наркотиков были зафиксированы исследователями по всему миру: в Австралии, Великобритании, Израиле, Канаде, Нидерландах, России, США и т. д. [Armstrong 2007, Cohen 2015, Ben-Yehuda 1986, Couchman 2019, Denham 2008, Goode 2020, Hier 2002, Hollywood 1997, Murji 2020]. Независимо от различий между рассматриваемыми случаями, можно выделить некоторые общие черты: наркотики сравниваются со «злом» и «нечистой силой», которая вселяется в человека и сводит его с ума; основной жертвой наркотиков становится молодежь, обозначаемая в качестве символического центра общества, находящегося под угрозой; высказываются мнения об эпидемии и наркотической чуме, а сами наркоманы представляются носителями особо опасной «наркотической заразы»; общество реагирует на моральную панику ужесточением законодательства, усилением социального контроля и увеличением арестов, после чего моральная паника идет на спад.

Начавшийся в 2014 году новый виток антинаркотической кампании в Беларуси может быть описан в логике теории моральных паник по ряду причин. Во-первых, участившиеся с 2000-х годов случаи употребления

синтетических наркотиков в течение короткого промежутка времени стали восприниматься не просто как факты «бытового» правонарушения, но как существенная угроза социальному порядку, «эпидемия», способная разрушить сакральные основания общества и государства. Во-вторых, стремительные изменения общественного мнения происходили на фоне лавинообразного увеличения частоты сообщений о проблеме наркотиков в СМИ и тиражирования историй о происходивших в результате употребления спайса ритуальных убийствах, людях-монстрах, «живых мертвецах» и «взрывающихся мозгах». Данные случаи классифицировались журналистами и рядовыми членами общества в структурной логике дискурса гражданской религии как разрушающие мораль факты осквернения, оккультизма, одержимости и безумия. С каждым новым витком спирали означения синтетические наркотики все чаще обозначались как нечистое, сакральное «зло», в то время как сама кампания стала принимать характер очистительного ритуала. В-третьих, незамедлительным ответом на начавшуюся в обществе панику со стороны государства стало ужесточение законодательства в сфере контроля за сферой наркопотребления. В-четвертых, изменения в законодательстве пользовались практически единогласной поддержкой граждан.

Культурное измерение моральных паник

Моральная паника — это различные по продолжительности эпизоды сверхинтенсивных коллективных реакций, сопровождающиеся чувствами страха и тревоги, вызванными реальной или воображаемой угрозой социальному и моральному порядку. Данные реакции многократно усиливаются повторяющимися сообщениями СМИ, политиков и других «моральных предпринимателей», которые могут использовать общественное волнение в целях продвижения своих интересов и усиления контроля. Чаще всего в качестве причин моральных паник исследователи выделяют разрушение сложившейся иерархии, перераспределение ресурсов и властных отношений, отказ от имеющихся систем социального контроля.

Концепция моральных паник начала разрабатываться в 60–70-е годы XX века преимущественно в работах левоориентированных социологов в Великобритании [Cohen 2015, Hall et al. 1978, Young 1971]. Основная тема исследований этого периода — то, каким образом господствующие элиты, СМИ и другие консервативно настроенные группы (right-thinking groups) создают социальные проблемы и девиантное поведение для осуществления контроля над массами и укрепления своего положения. Заинтересованные в сохранении стабильности и текущего уклада жизни «моральные предприниматели» формируют искусственный консенсус по поводу того, что некоторые лица или группы лиц своими действиями угрожают принятому общественному порядку. Известная диспропорция[1] в отношении угрозы усиливается деятельностью армии экспертов и СМИ, в результате чего сообщество помещается в искусственно созданную ситуацию коллективной мобилизации.

[1] Действительно, значимым аспектом моральных паник является то, что сама по себе социальная проблема, реальная или воображаемая, оказывается не так масштабна, как следующие за ней изменения. При этом исследователи сталкиваются с известными трудностями в оценках характера социальной проблемы, потому что само научное сообщество так или иначе оказывается втянутым в процесс коллективных переговоров по поводу статуса объекта изучения. В работах рассматриваемого периода наиболее спорный момент состоит в том, что социальный исследователь имеет достаточные основания говорить о значимости проблемы и адекватности реакций на нее.

В данной статье я утверждаю, что моральные паники связаны с причинами культурного, т. е. символического и аффективного характера в большей степени, чем с групповыми интересами, социальной иерархией или борьбой за власть. Именно такую картину мы можем увидеть при обращении к рассматриваемому ниже случаю моральной паники по поводу синтетических наркотиков в Беларуси. Далее я приведу ряд аргументов, которые более подробно раскрывают заявленный тезис.

1) Не классовая, а символическая логика определяла характер и степень коллективных реакций на проблему. На примере моральной паники в Беларуси мы увидим, как вопросы статуса, иерархии и групповых интересов постепенно растворялись на фоне «всенародной» кампании за спасение «самого священного»: оппозиция и власть в один голос заявляли о необходимости борьбы со злом, угрожающим самому существованию нации; либеральные СМИ призывали политиков к усилению контроля, попутно обвиняя их в недостатке консервативных мер; независимо от политических взглядов комментаторы писали о возникающей в стране катастрофе. В разгар моральной паники привычные правила профанного мира с его структурами, отношениями и практиками ослабевали или вовсе переставали иметь значение. Требования и цели противоборствующих сторон лежали за пределами прагматической установки.

2) Моральная паника по поводу спайса больше напоминала драму с предоставленными культурным сценарием ролями и соответствующим сценическим реквизитом, чем процесс переговоров [Alexander, Giesen, Mast 2009]. Стремление к назидательному наказанию за нарушение морального порядка, призывы покарать виновных, покаяния и громкие разоблачения — коллективные страсти разгорались на фоне учащающихся случаев нарушений морального порядка и следующих за ними очистительных ритуалов. Сообщения в СМИ изобиловали метафорами и символами: рассказывались жуткие истории о жертвах спайса, словно пострадавших от нечистой силы; эксперты и обычные граждане повторяли устоявшуюся на момент протекания моральной паники формулу «спайс — зло». Разгоравшаяся социальная драма сопровождалась требованиями восстановления святости и справедливости, возврата к утраченным ценностям, порядку и «понятному», «привычному» миру.

3) Моральная паника в Беларуси проходила на фоне случаев символического загрязнения и последующего очищения в форме светских ритуалов[2]. Люди стремились воплотить видимую угрозу морального порядка — спайс — во внешнюю, часто мистическую и опасную силу, которую нужно подчинить и успокоить, прибегнув к человеческим жертвам. Очистительные ритуалы принимали различные формы: от традиционных религиозных церемоний до автопробегов, от коллективных флэшмобов в социальных сетях до акций солидарности. «Зло» должно было быть обличено и поднято на поверхность, изучено коллективно санкционированными хранителями морали: политиками, учителями, врачами, священниками[3]. Угроза моральному порядку, публичная «атака» на ценности, выход непреодолимого зла на поверхность — трансгрессия — высвобождали негативные эмоции высокой интенсивности. Неизвестная угроза синтетических

[2] Часто моральные паники связаны с дискурсом «гражданской религии», в рамках которого вместо призыва к рациональному диалогу и поиску консенсуса произносится имя Сатаны или другого персонажа, олицетворяющего сакральную нечистую силу.

[3] Только когда зло получит свое имя и облик, оно может стать объектом очистительных ритуалов [Alexander, 2013: 99–122].

наркотиков, классифицированная как «зло», приводила к мобилизации коллективных сил.

4) Моральная паника в Беларуси продемонстрировала то, что можно обозначить как «транзитивность зла». Ниже мы увидим, как спайс, будучи элементом повседневного мира (обычный наркотик), все чаще определялся в медиа и среди общественности как нечистая сила. Классифицированный как абсолютное зло и пропущенный через сложные процессы символического очищения, со временем спайс утратил свой пугающий статус, вновь став элементом повседневного, привычного мира. То, что раньше считалось святотатством и вызывало праведный гнев, стало обычным правонарушением.

5) Моральная паника по поводу спайса в Беларуси затронула не только государственные[4], но оппозиционные и независимые медиа, которые практически симметрично реагировали на происходившие события. Консолидация в медиа также обнаруживалась на уровне стратегий репрезентации спайса как зловещей нечистой силы, которая угрожает существованию белорусской нации. Можно предположить, что медиа в большей степени выражали конвенциональные способы реагирования на случаи символического загрязнения, а не возникающий в белорусском обществе конфликт в интересах тех или иных групп.

Такая позиция в отношении причин моральных паник в ряде моментов не соответствует традиционной для данного направления линии аргументации. В предисловии к третьему изданию «Народных бесов» [Cohen 2015] Стэнли Коэн пишет о том, что предложенная им теория моральных паник вписывалась в контекст зарождающихся в 60-е годы социологии девиантного поведения и культурных исследований. При этом вопрос культуры в его работе требует детального рассмотрения: «народные дьяволы», обозначаемые как «символ беспокойства», лишь косвенно связаны с символической реальностью; прежде всего они — ярлык, навешиваемый на рабочий класс господствующими элитами для закрепления своего доминирующего положения. «Моральные предприниматели», эксперты, политики и СМИ — все они участвуют в «конструировании социальных проблем» и выдвигают свои требования, словно обладая автономией от более глубокой и неосязаемой реальности культурных смыслов. Здесь «жесткая» социальная структура, выраженная факторами власти, иерархии, статуса и интересов, доминирует над «размытой» моральной структурой, которой отводится роль инструмента в руках господствующих классов[5]. Восприятие моральных паник как механизма, легитимизующего существующую иерархию, еще больше проявляется в классической работе Стюарта Холла, Часа Критчера, Тони Джефферсона, Джона Кларка и Брайана Робертса «Управление кризисом» [Hall et al. 1978], в которой тема идеологического контроля, гегемонии и принуждения становится центральной. Здесь культурные факторы моральных паник уступают место вопросам конструирования искусственного согласия и государственного контроля, а сама культура становится подчиненной сферой реализации различных форм власти и принуждения.

[4] Это в целом советует классическим теориям моральных паник.

[5] В завершении предисловия к третьему изданию «Народных бесов» после разбора различных факторов моральных паник, среди которых Коэн отводит немаловажную роль моральным структурам, он пишет: «Вот почему моральная паника — это сжатая политическая борьба за контроль над средствами культурного воспроизводства ‹…›. Это также позволяет нам определять и концептуализировать линии власти в любом обществе, а также способы, с помощью которых нами манипулируют, чтобы воспринимать некоторые вещи слишком серьезно, а другие — недостаточно серьезно» [Cohen 2015: xliv]. В заключении книги Коэн вновь возвращается к этим выводам.

Обновленная теория моральных паник, представленная работами Эриха Гуда и Нахмана Бен-Иегуды [Goode, Ben-Yehuda 1994], также сосредотачивается на борьбе интересов, контроле и доминировании, хоть и в меньшей степени. Несмотря на то, что авторы вплотную приближаются к вопросам культуры при обсуждении «народной» модели моральных паник, они все еще видят СМИ и правящие элиты определяющим фактором в динамике моральных паник.

Тем не менее, аргумент о решающем влиянии на моральную панику культурных смыслов, а не факторов власти, иерархии, конкуренции и статусов не является новым, и уже был высказан в рамках культурсоциологической теории. Согласно Александеру, моральные паники представляют собой «быстро сформировавшиеся кристаллизации зла по отношению к неожиданным событиям, акторам и институтам» [Alexander 2013: 119]. Культурсоциологическая теория определяет моральные паники не просто как ассиметричный и иррациональный ответ на реальную или воображаемую угрозу, но как механизм восстановления символического порядка. Каждый элемент социального мира должен быть «на своем месте», классифицирован и соотнесен со своим доменом. В случае нарушения смысловой когерентности внутри культурного кода происходит «высвобождение зла», привычное течение профанной жизни нарушается, интенсивность взаимодействий (моральная плотность в терминах Эмиля Дюркгейма) увеличивается. Люди ищут спасительного единения и чувства сопричастности в обществе друг друга, но находят все это в праведном гневе и «охоте на ведьм»[6]. Моральные паники «фокусируются на новых источниках зла, проводят преувеличенную грань между социальным загрязнением и добром» [Alexander 2013: 119]. Находящиеся под влиянием моральной паники индивиды, их действия и высказывания теряют связь со здравым смыслом повседневной реальности. В этом режиме человек чувствует ответственность перед сообществом, его индивидуальность уступает место коллективной идентичности, он призывает к порядку и справедливости. Индивидуальные эмоции из разряда «бей или беги» замещаются более сложными и культурно опосредованными коллективными чувствами: праведным гневом, возмущением, желанием справедливости и «самых радикальных мер»[7].

Таким образом, описываемые ниже сюжеты, связанные с символическим загрязнением, нарушением морального порядка, очищением и наказанием, возвращают нас к первоначальному тезису — автономная сфера культурных смыслов и связанные с ней процессы классификации и кодирования могут быть рассмотрены в качестве причин, объясняющих возникновение и динамику моральной паники в Беларуси.

[6] «Моральные предприниматели» часто говорят о войнах, которые ведутся на невидимых фронтах здесь и сейчас; враг в этой войне многолик и опасен; он всегда желает осквернения, он совращает и обманывает, именно в нем люди находят объяснение своему нынешнему неудовлетворительному положению и через него дают выход своему ressentiment. Когда враг будет обнаружен и побежден (чтобы однажды вернуться), люди получат необходимую эмоциональную силу для обновления чувства сопричастности.

[7] Согласно выводам Эмиля Дюркгейма, реальные или воображаемые события, которые воспринимаются как угроза моральной сплоченности группы, заставляют членов этой группы прибегать к перформативному выражению своего недовольства путем различного рода публичных действий: начиная элементарными движениями и бурными реакциями, заканчивая сложными ритуалами очищения и наказания, выражающими коллективное беспокойство. Всякий раз, когда группа осознает угрозу своей солидарности и моральным устоям, ей необходимо вновь заявить о своем единстве путем схожих негативных реакций, что часто приводит к насилию по отношению к самим себе, а также к тем, кто воплощает в себе причину всеобщего беспокойства [Дюркгейм 2018: 647–786]. Этим объясняются частые вспышки насилия и поиска виноватых во время моральных паник.

Методология исследования

Исследование предполагало последовательную работу в двух плоскостях. Во-первых, на примере антинаркотической кампании в Беларуси и ее репрезентации в СМИ был реконструирован процесс «раскрутки» спирали означения и выявлены основные этапы протекания моральной паники в соответствии с оптикой, предложенной в работах Янга, Коэна, Гуда и Бен-Иегуды. Во-вторых, при помощи метода количественного контент-анализа и подхода к понимаю культурных текстов в рамках структурной герменевтики было проанализировано содержание различных дискурсивных практик (сообщений СМИ, пользовательских комментариев и т. д.), описывающих проблему употребления наркотиков в Беларуси. Таким образом, в фокусе настоящего исследования находятся основные стратегии того, как проблемы потребления синтетических наркотиков в Беларуси репрезентируются на символическом уровне.

В качестве ключевых теоретических ресурсов, определяющих траекторию исследования, были использованы основные положения и объяснительные схемы программы Эмиля Дюркгейма (теория сакрального и концепция очистительного ритуала), сильной программы культурсоциологии (структурная герменевтика, тезис об относительной автономии культуры, концепция сакрального «зла»), программы изучения моральных паник (теория моральных паник и спирали гиперболизации девиантного поведения).

Понимание культурных текстов в рамках структурой герменевтики требует более полного раскрытия. Предложенная в сильной программе культурсоциологии исследовательская стратегия направлена на выявление, реконструкцию и интерпретацию глубинных культурных смыслов, лежащих в основании репрезентаций социальных явлений в разного рода дискурсивных практиках. Находящийся на стыке герменевтики и структурализма, данный подход предполагает работу с глубинными культурными кодами, которые структурируют текст и могут быть обнаружены в нем посредством определенных маркеров — бинарных категорий, выражающих структурное напряжение между сакральными (чистыми и нечистыми) и профанными элементами социальной жизни.

Дихотомия сакрального/профанного также нуждается в спецификации. Согласно наблюдениям Дюркгейма, в основе всех религиозных представлений обнаруживается разделение мира на сакральное (священное) и профанное (мирское). Профанное выражает частную, повседневную жизнь, связанную со сферой утилитарных интересов и потребностей. Этот регион жизни характеризуется низкой эмоциональной интенсивностью, привычностью и низкой плотностью социальных взаимодействий. Сакральное, наоборот, выражает возведенную в абсолют коллективную жизнь с присущими ей всплесками интенсивного возбуждения и единения. Сакральное представлено в двух полюсах — чистом и нечистом, и оба они отделены от профанного. Если сакральное чистое — это область светлых и благодетельных сил, то нечистое наоборот — связано с пугающими и тревожащими аспектами коллективной жизни. Сакральное чистое не может быть смешано с сакральным нечистым, как и сакральное в целом не может быть смешано с профанным. В обратных случаях происходит осквернение, целостность символических границ нарушается, зло высвобождается и выходит на поверхность. В рассматриваемом нами кейсе происходило последовательное изменение статуса спайса с профанного, т. е. обыденного и не требующего пристального общественного внимания, наркотика в зловещую

нечистую силу, которая угрожала сакральному чистому — семье и молодежи, находящимся в символическом центре белорусского общества.

Эмпирическая часть исследования состояла из нескольких этапов. На первом этапе были собраны и проанализированы публикации с упоминанием слова «спайс» на информационных порталах TUT.BY (n = 154), Onliner.by (n = 208), «СБ. Беларусь сегодня» (n = 468), Naviny.by (n = 194), «Белновости» (n = 82) с 2008 по 2019 год[8]. Следует учитывать, что из этого списка только «СБ. Беларусь сегодня» позиционируется как государственное СМИ, в то время как другие порталы занимают либо оппозиционную, либо нейтральную позицию в отношении существующего политического режима. На основании собранных данных удалось реконструировать хронологию и этапы развития моральной паники по поводу синтетических наркотиков в Беларуси. Помимо этого, выявленная динамика публикационной и пользовательской активности[9] послужила эмпирическим индикатором проходившей в стране моральной паники.

На втором этапе было проанализировано содержание наиболее резонансных статей и отражающих характер протекания моральной паники комментариев к ним. Подход структурной герменевтики использовался при изучении содержания собранного материала. Он позволил реконструировать, как изменялись стратегии классификации синтетических наркотиков, и зафиксировать их переход из профанного в нечистое состояние и обратно.

Антинаркотическая кампания в Беларуси: основные этапы

28 декабря 2014 года Президентом Республики Беларусь был подписан Декрет № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков»[10]. Принятие декрета ознаменовало начало нового, более радикального этапа антинаркотической кампании, которая уже осуществлялась на фоне распространения синтетических наркотиков в стране. Так, в декрете говорилось о необходимости «*максимально* активизировать усилия по противодействию незаконному обороту наркотиков и профилактике их потребления»[11].

Характер принимаемых мер был достаточно жестким. Срок за изготовление и распространение наркотиков с целью сбыта устанавливался в пределах 25 лет. Незаконное хранение или приобретение наркотиков без целей сбыта наказывалось сроком от пяти лет. Уголовная ответственность по данной статье наступала с 14 лет. На момент принятия декрета проблема распространения наркотиков в Беларуси воспринималась как катастрофа национального масштаба, угрожающая самому существованию человека и государства. В декрете фигурировала следующая формулировка, обозначившая официальную позицию государства по поводу синтетических наркотиков: «В целях обеспечения защиты жизни и здоровья граждан нашей страны, создания условий для безопасного развития детей и молодежи, пресечения распространения наркомании *как угрозы для демографии*

[8] По данным портала similarweb [https://www.similarweb.com/], указанные новостные ресурсы продолжают находиться в топе посещаемости среди новостных сайтов Байнета.

[9] Для этого были использованы данные Google по запросам «спайс» в Беларуси, полученные при помощи инструментов Google Trends [https://trends.google.ru/trends/?geo=BY].

[10] http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1400006&p1=1

[11] Там же.

и здоровья нации, обеспечения безопасности общества и государства»[12] (здесь и далее курсив мой. — *И. С.*).

До 2019 года характер антинаркотических мер все больше ужесточался. На этом фоне эксперты констатировали, что жесткая антинаркотическая политика не приносит успеха, а там, где исчезает спайс, распространяются «классические» виды наркотиков[13]. По официальным данным[14], за первое полугодие 2019 года по «антинаркотическим» статьям было осуждено 1122 человека, из которых 23 несовершеннолетние. Всего за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, с момента принятия антинаркотического декрета в конце 2014 — начале 2015 года было осуждено 14053 человека, из которых 716 (!) несовершеннолетних.

Достигла ли антинаркотическая кампания своих целей или нет, под вопросом остается следующее: были ли изменения в законодательстве «объективной» реакцией правоохранительных органов и государства на распространение наркотиков в стране, или они были приняты в результате проходившей в белорусском обществе моральной паники?

Для ответа на этот вопрос необходимо реконструировать процесс освещения темы синтетических наркотиков в Беларуси и определить основные стадии развития продвигаемой в СМИ «антинаркотической» повестки и сопутствующей ей моральной паники (*График 1*).

Динамики публикационной и пользовательской активности имеют несколько согласующихся друг с другом всплесков, которые послужили искомыми эмпирическими индикаторами для выделения основных стадий моральной паники.

0 этап: 2009–2014

В рамках нулевой стадии синтетические наркотики в Беларуси были своеобразным «плавающим означающим». В обществе отсутствовал консенсус по поводу того, чем являются синтетические наркотики и какую угрозу они в себе несут (и несут ли вообще). За исключением немногочисленных «моральных предпринимателей», спайс воспринимался как очередное несерьезное увлечение подростков, которое не несет особого вреда здоровью и безопасности нации.

Точную дату появления спайса[15] на рынке Беларуси назвать сложно, однако в СМИ чаще всего фигурировал 2008 год. Тогда спайс начал продаваться как легальная[16] курительная смесь, которую можно было приобрести в различных торговых точках по всей стране. Саму ситуацию со спайсом характеризировал достаточно низкий уровень информированности, в то время как основным врагом общественного здоровья и безопасности считался дешевый алкоголь. Спайс не имел однозначного статуса, не рассматривался как угроза и редко попадал в поле зрения СМИ и общественности.

Меры борьбы с синтетическими наркотиками носили в основном профилактический характер. 21 июля 2009 года пресс-служба ГУВД Мингорисполкома выступила с предложением о запрете спайса, в силу схожести эффектов последнего с действием марихуаны. Однако подобные заявления

[12] Там же.

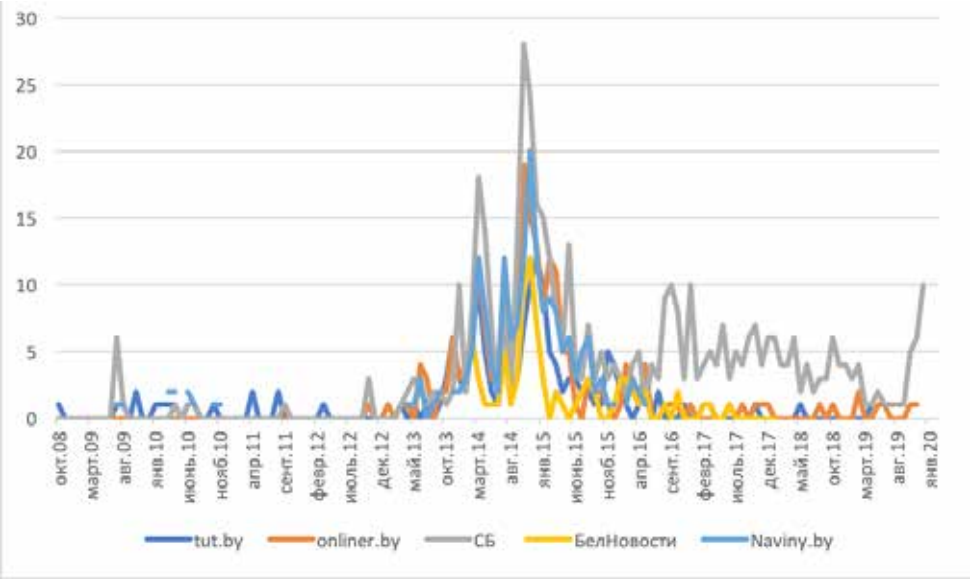
[13] https://news.tut.by/society/565291.html

[14] http://www.court.gov.by/ru/statistika/

[15] Именно так стали называть в СМИ курительные смеси.

[16] За распространение смесей наступала не уголовная, а административная ответственность.

График 1. Динамика публикационной и пользовательской активности по поводу синтетических наркотиков в Беларуси (2008–2019)

были равнодушно восприняты гражданами, а сам спайс продолжал ассоциироваться с безвредным молодежным увлечением[17].

То, что первоначально спайс не имел четкого символического статуса, подтверждается тем, что только в конце 2009 года некоторые компоненты для курительных смесей «спайс» были причислены к наркотикам[18]. При этом сотрудники правоохранительных органов отмечали несовершенство законодательства в сфере контроля над оборотом наркотиков, в силу чего в стране появлялись все новые их разновидности, которые вносили в перечень наркотических средств post factum.

Дискуссия, которая развернулась среди пользователей информационного портала TUT.BY в 2009 году, показывает неоднозначный статус спайса. В статье «Глас народа. Большинство сопоставляют употребляющих с какими-то потерянными наркошами»[19] приводятся различные мнения, касающиеся курительных смесей. Пользователи высказывались как в поддержку, так и против запрета, аргументируя последнее тем, что вред от спайса не доказан. Смеси противопоставлялись алкоголю, и именно последний виделся настоящей угрозой для здоровья и безопасности общества. В целом данная дискуссия достаточно ярко отразила отсутствие в белорусском обществе консенсуса по поводу того, что такое спайс и какие меры в отношении него следует принимать.

В 2010 году трансформация спайса из «несерьезного» вещества для развлечения в «опасный наркотик» продолжилась, однако ее темпы были незначительными. К примеру, в статье «Чаму ў цэнтры сталіцы прадаецца “опіум”?»[20] говорится о том, что спайс без особых проблем можно

[17] https://news.tut.by/society/142994.html
[18] https://news.tut.by/health/150946.html
[19] https://news.tut.by/otklik/151013.html
[20] Почему в центре столицы продается «опиум»? — пер. с белорусск. [https://news.tut.by/society/174847.html].

приобрести на Комаровском рынке. В ней спайс уже называется ядом, а его частичный запрет видится как одно из наиболее важных достижений белорусских правоохранительных органов в деле борьбы с наркотиками. Автор статьи предсказывает наплыв спайса в будущем и предупреждает читателей: «Будзьце пільныя і ў выпадку чаго не паддавайцеся на хлуслівую рэкламу наркагандляроў. Гэта можа каштаваць вашага жыццёвага лёсу. Як дзейнічаць бацькам, чыё дзіця[21] зрабілася нарказалежным?»[22]

В 2010 году после принятия закона о внесении компонентов спайса в список запрещенных веществ начались задержания наркоторговцев. Однако это не вызвало серьезного общественного обсуждения, а сами публикации ограничились информацией от пресс-служб правоохранительных органов.

В 2011 году процесс кодификации спайса как опасного вещества продолжился. Если в 2009 году спайс не имел четкого статуса, то в 2011 году он уже стал восприниматься как нелегальный наркотик. Тем не менее, степень его вреда для человека не была окончательно установлена. Так, в одной из публикаций, освещающих процесс борьбы правоохранительных органов с курительными смесями, от лица милиции отмечается: «Говорить о том, что один наркотик опасен, а другой — не очень, будет по меньшей мере кощунственно и непрофессионально»[23].

В 2012 году в медиа укрепляется статус спайса как наркотика, который несет особую угрозу молодежи. В статье «Исследование: Не менее 16% учащейся молодежи пробовали наркотики»[24] усиливается консервативная риторика, в рамках которой спайс из обычного наркотика превращается в нечто, что несет в себе скрытую угрозу морального развращения молодежи. Статья начинается с того, что эксперт констатирует увеличение толерантности к проблеме наркотиков в обществе: «‹…› сейчас, под воздействием фильмов, пропаганды, известной фразы "трава не наркотик", легкие наркотики воспринимаются толерантно ‹…›. В таком восприятии легких наркотиков сыграли большую роль и курительные смеси типа "спайс"»[25].

1 этап: конец 2013 — начало 2014 года и нарастание общественного беспокойства

В 2013 году статус спайса как наркотика, «угрожающего молодежи», начинает окончательно утверждаться и обрастать собственной сетью значений и смыслов. В статье «"Курительные смеси". Как уберечь подростков»[26] меняется стратегия репрезентации спайса: он получает собственное автономное существование. Если раньше спайс перечислялся через запятую и сравнивался сначала с алкоголем, а затем с другими наркотическими веществами, то теперь курительные смеси становятся самостоятельными «героями». У них появляется и особая жертва: спайс-наркоман. Последняя также получает возможность голоса. Так, в данной статье одна из «жертв»

[21] Данная статья представляет собой яркий пример консервативной риторики, сформировавшейся внутри консервативно настроенных провластных кругов. Среди них спайс начал идентифицироваться как серьезная проблема, требующая безотлагательного решения. Один из важных признаков подобной риторики — угроза благополучию молодого поколения, семье, «традиционным» ценностям.

[22] Будьте бдительны и в случае чего не поддавайтесь на лживую рекламу наркоторговцев. Это может стоить вашей жизненной судьбы. Как действовать родителям, чей ребенок стал наркозависимым? — пер. с белорусск.

[23] https://news.tut.by/society/246796.html

[24] https://news.tut.by/society/267066.html

[25] https://news.tut.by/society/267066.html

[26] https://news.tut.by/health/340993.html

спайса Елена делится своим опытом и описывает, как наркотик разрушил ее жизнь и жизнь ее друзей:

> В первый раз, когда действие закончилось, навалилось ощущение какой-то пустоты, все неприятности казались огромными проблемами. Стало плохо с сердцем. Пришлось лечиться в кардиологии… Потом все-таки втянулась. Хотя видела, что это страшно… Просто мои друзья курили так называемые «курительные смеси». Потом их долго откачивали. *Выглядели они при этом страшно, как будто не просто курили, а неизвестно чем укололись. Люди деградируют на глазах, все деньги на это спускают. Накурятся и потом встать не могут. А еще становятся равнодушными, все интересы и развлечения смещаются в эту область*[27].

В данной статье продолжилось разоблачение спайса как «легальной» курительной смеси. Начала заостряться тема летальных исходов: если до 2013 года о смертях от употребления наркотиков говорилось вскользь, то с 2013 года «смертоносность» становится одним из особых признаков курительных смесей:

> Я задумалась о необходимости пройти курс лечения, когда у моей подруги от этого умер муж. Ему было 24. Остановилось сердце. А ведь был абсолютно здоров. Те, кто пишут на форумах, что это все не страшно и без последствий, так это пока… *Мертвые-то уже не напишут*…[28]

В конце 2013 года значительно, в сравнении с предыдущим периодом, увеличилось количество публикаций по поводу борьбы со спайсом, однако данная тема все еще не воспринималась как серьезная угроза общественному благополучию. Тем не менее, СМИ все чаще обозначали курительные смеси именно в таких терминах. Так, в статье «Гомельчанин накурился спайса и начал разговаривать с домом»[29] рассказывается история про парня, который в результате употребления спайсов пытался «удержать дом от падения»[30]. При этом статья продолжала развивать антиспайсовую риторику. Потребители спайса были обозначены как жертвы, теряющие нормальный человеческий облик и убивающие себя в приступе безумия: «У некоторых возникают такие страшные видения, что они, убегая от ужаса, бросаются под колеса транспорта или выпрыгивают из окон многоэтажек»[31]. Спайс описывался со слов одной из жертв, которая на момент публикации находилась в заключении: «При упоминании о миксе в глазах симпатичной девушки в тюремном одеянии появляется страх. Она вспоминает, что *после употребления ароматной смеси ее охватил первобытный ужас, от которого тело перестало подчиняться разуму*»[32]. Подчеркивается, что наибольший вред от спайса наносится молодым людям, которые и составляют основную группу потребителей.

В конце 2013 года проблема спайса в медиа окончательно наделяется новым статусом. Спайс становится не просто нелегальным наркотиком, вызывающим негативные последствия, а новым злом, угрожающим молодежи. Курительные смеси все чаще ассоциируются с угрозой нормальности и ментальному здоровью. В обзорной статье «Минские истории: как подростки сходят с ума из-за спайсов»[33] последний описывался уже как доселе

[27] Там же.
[28] Там же.
[29] https://news.tut.by/society/357872.html
[30] Там же.
[31] Там же.
[32] Там же.
[33] https://news.tut.by/society/374164.html

неизвестное, опасное и коварное зло, которое невозможно контролировать. Употребление спайса заставляет молодых людей убивать друг друга, подростки теряют сознание, сидят «обкуренные» на занятиях по профилактике наркопотребления, их находят без признаков жизни «в рвотных массах», они попадают в психиатрические лечебницы и «превращаются в собак». Подчеркивается: «*Это лишь некоторые случаи*»[34]. Количество подобных статей к концу 2013 года постепенно увеличивается.

Приступы безумия и летальные исходы подростков описываются все подробнее. В медиа транслируются угрожающие новости о том, что спайс повергает в ужас врачей и других экспертов. По словам сотрудника Управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми, в своей практике он имел дело с жителем Минска, который «выкурил [спайс], вспорол живот и бегал с кишками по двору»[35]. Тот же сотрудник рассказывал историю о том, как спайс испугал даже ветерана войны в Афганистане, который попробовал этот наркотик: «Его [ветерана] охватил ужас: голову сносит сразу»[36]. В статье эксперт отмечает, что с каждым годом ситуация становится все более ужасающей: «*Ломаются и судьбы подростков*, которые начинают пробовать курительные смеси»[37]. На этом фоне в конце 2013 года в СМИ усиливаются призывы принять более жесткие меры по отношению к спайсам.

2 этап: развитие моральной паники в 2014 году

Февраль — март: первые резонансные смерти и вспышка моральной паники. В начале 2014 года активность медиа и экспертов по поводу курительных смесей многократно усиливается. Так, министерство здравоохранения Республики Беларусь предлагает запретить любые курительные смеси. Параллельно начинаются журналистские расследования, а высказывания на тему курительных смесей становятся все более радикальными: эксперты и обеспокоенные граждане говорят о «наркотической чуме нового поколения»[38], зависимости, вызываемой от одного употребления, самоубийствах, безумии, «коварных» наркоторговцах. Высказывается мнение о том, что масштаб катастрофы скрывается от граждан, «*реальное количество больных людей больше во многие и многие разы*»[39], «*наше общество пока смутно представляет масштабы опасности*»[40].

В медиа начинают проявляться контуры назревающей моральной паники: каждую неделю выходит все больше сообщений о проблеме курительных смесей в Беларуси. Эксперты и рядовые граждане рассуждают о необходимости принятия радикальных мер по борьбе с наркотиками, несовершенстве существующего законодательства, бездействии властей; публикуются материалы о летальных исходах и приступах безумия, волна которых охватывает подростков. При этом статьи содержат кровавые подробности: используются фотографии с мест происшествия, в деталях описываются случаи убийств и самоубийств.

[34] Там же.
[35] Там же.
[36] Там же.
[37] Там же.
[38] https://euroradio.fm/ru/rassledovanie-kak-v-belarusi-prodayut-spays-i-psihotropnye-poroshki-video
[39] https://news.tut.by/society/386682.html
[40] Там же.

Показываются жертвы спайса, которых он лишил своей человечности и рассудка: «*Налицо все признаки слабоумия*: бедная речь, заторможенность, отсутствие критики. Чуть позже врач констатирует: *шансов у парня практически нет*, "*он погиб*"»[41]. Все более активно транслируется дискурс безумия и одержимости:

> Причем ситуации, в которых умирают зависимые от курительных смесей, шокируют своей жестокостью. На фоне действия наркотика у молодых людей развиваются психозы, в состоянии которых они идут на самые непредсказуемые поступки — ударяют друзей ножом, разбиваются об окна квартир, вспарывают животы[42].

Несколько резонансных случаев периода, на который пришелся всплеск публикационной и пользовательской активности и, соответственно, первая вспышка моральной паники, были связаны с одновременными смертями нескольких молодых людей. 17 февраля по не установленным первоначально причинам умер пятнадцатилетний учащийся одной из минских школ. По словам очевидцев, всему виной был спайс: «Тут у нас траур, слезы. Умер от передоза спайсами, миксами или же какой-то другой дрянью. *Типичная история*»[43]. В статье, освещавшей событие, приводились слова обеспокоенных родителей, которые в страхе звонили на горячую линию: «Ну, этот звонок вам — *просто крик и боль моей души*, потому что это ровесники моего ребенка, *это спортсмены, это наше будущее*. И вот так погибают»[44].

Буквально через несколько дней происходит второй резонансный случай, обстоятельства которого еще в большей степени окутаны тайной. По неустановленным причинам после двухдневной комы в Минске умирает студентка, которая учится на одном из наиболее престижных факультетов БГУ[45]. Несмотря на то, что правоохранительные органы и родственники погибшей не давали никаких официальных комментариев, новость сразу же начала активно обсуждаться в сети. Сразу на нескольких интернет-порталах проходит слух: девушка накануне смерти употребляла спайс. Более того, по неподтвержденной информации, после ее смерти «кураторы курсов ФМО БГУ получили команду провести воспитательные беседы со студентами о влиянии спайса»[46]. В комментариях к новости наиболее распространенной оказалось точка зрения, одобряющая ужесточение мер в борьбе с новой «спайс-эпидемией»[47]: «Показательно выловить пару десятков, и в пущу... Кто выберется, пусть другим расскажет. Слух быстро разойдется», «…с наркотой бороться можно только путем ужесточения наказания.. Причем как за распространение, так и за употребление.. *Нашли в кармане — к стене.. Нашли в крови — к стене и пулю в лоб*.. У азиатов с этим все четко.. *Они все это дерьмо нам славянам пихают, а мы с радостью хаваем*!», «между прочим, уже *настоящая спайсовая эпидемия среди 16–20-летних* (плюс-минус, конечно)».

Несмотря на наличие критически настроенных пользователей, которые напоминали о том, что причина смерти не установлена, журналисты «эксплуатируют» тему смерти, а другие комментаторы «даже не думают, что

[41] https://news.tut.by/society/387614.html
[42] https://news.tut.by/society/387614.html
[43] https://news.tut.by/society/387258.html
[44] Там же.
[45] https://people.onliner.by/2014/02/18/bsu
[46] Там же.
[47] Там же.

пишут, как, собственно, и читают»[48], версия о смертельном спайсе среди читателей и журналистов стала доминирующей.

После резонансных смертей февраля 2014 года тема спайса в медиа начинает освещаться все более активно. В марте количество статей увеличивается. Весной приходят новости об ужасных смертях от передозировки спайсами («Очередная смерть от спайсов: парень и девушка разбились, голыми выпрыгнув в окно»[49]), продолжаются журналистские расследования («Журналистское расследование: в Гродно можно купить спайсы за полчаса, заказав наркотики по скайпу»[50]), проходят публичные акции очищения и наказания («Республиканская профилактическая акция "Стоп-спайс" пройдет в Беларуси»[51]; «"Стоп-спайс!": показательный суд для школьников и тренинги для учителей»[52]; «Участницы одной из гродненских поп-групп спели на рельсах против спайса и героина»[53]; «В ряды антинаркотического подразделения УВД мобилизованы первые молодежные отряды»[54]).

В медиа публикуются сообщения, свидетельствующие о начавшейся в белорусском обществе панике («Наркотики в школах и колледжах: "сегодня это поток", "дети приходят обкуренные на занятия"»[55], «"Мы дали ему веник, а он ходил и тупо улыбался": еще раз о спайсе, который превращает белорусов в овощи»[56], «Целый поток сообщений об употреблении наркотиков сегодня поступает в милицию из минских школ»[57]).

Начинаются публичные задержания наркоторговцев, которые активно освещаются в медиа:

> *Почти ежедневно сообщается о случаях задержания молодых людей, которые торгуют наркотиками.* На месте «отсеченной» головы сразу вырастают две новые. Любители наркотических веществ утверждают, что приобрести последние в Минске можно без проблем. Мы с фотокором присоединяемся в тот момент, когда одетые в штатское люди располагаются по машинам, чтобы выехать на точку[58].

При этом пользователи практически единогласно выступают за ужесточение мер против наркоторговцев, предлагают организовать публичные суды. Некоторые более радикальные комментаторы продолжают заявлять о необходимости смертной казни за наркопреступления.

Проблему синтетических наркотиков начинают серьезно обсуждать в правительстве. Представители власти следуют консервативной риторике и говорят о необходимости объединения страны против новой угрозы. Так, заместитель премьер-министра Анатолий Тозик высказывается о проблеме следующим образом:

[48] Там же.
[49] https://news.tut.by/society/390022.html
[50] https://news.tut.by/society/390553.html
[51] https://news.tut.by/society/392248.html
[52] https://news.tut.by/society/394831.html
[53] https://news.tut.by/society/401118.html
[54] https://gomelnews.onliner.by/2014/04/04/antispice
[55] https://news.tut.by/society/390438.html
[56] https://people.onliner.by/2014/03/11/spais-3
[57] https://news.tut.by/society/390438.html
[58] https://people.onliner.by/2014/03/04/drugs

> *Мы должны восстать против этой беды всем миром.* Надо, чтобы родители осознали эту опасность. Иногда можно от родителей слышать, что ничего страшного, что они в детстве, когда были подростками, пробовали курить и нюхать. Но это были совершенно другие вещества. *Сегодня же первая проба может оказаться последней*[59].

Таким образом, первая вспышка моральной паники закрепляет формировавшийся в конце 2013 года статус спайса как особого зла, угрожающего молодежи. Антиспайсовый дискурс, первоначально формировавшийся в узких кругах консервативно настроенных групп, получает поддержку граждан, обеспокоенных загадочными смертями начала 2014 года. Это еще больше подстегивает СМИ к освещению темы.

Июль: новая вспышка. Безумие и одержимость. Летом 2014 года происходит новая вспышка моральной паники. На этот раз всплеск публикационной и пользовательской активности был связан с резонансной новостью о молодых людях, которые в результате употребления синтетических наркотиков «вырезали своему другу глаза». Начало одной из статей на эту тему весьма красочно иллюстрирует сложившееся на тот момент ощущение по поводу ситуации с наркотиками в белорусском обществе:

> С начала года милиция активизировала борьбу с торговцами психотропами. *Практически каждый день в сводках мелькают сообщения о задержании очередной партии дури.* Парадоксальная вещь: кажется, информационный переизбыток нивелировал саму проблему употребления наркотика, *который превращает молодых людей в овощей, а то и в безумцев.* О том, чем чреват спайс, свидетельствует жуткий эпизод из Гомеля[60].

В статье рассказывается о молодом парне 1991 года рождения, у которого в результате действий его друзей «были удалены оба глаза, значительно повреждены острым предметом нос, щека, уши»[61]. Молодые люди находились, по заявлению сотрудника, в «крайне неадекватном» состоянии.

Реакция пользователей была достаточно активной. Так, в комментариях начали публиковаться другие «жуткие» истории про спайс:

> Во время совместного употребления неизвестных порошков наркоманам со стажем стало казаться, что за ними следят. В состоянии наркотического опьянения они разгромили всю квартиру в поисках скрытых камер и "жучков", а также затопили квартиру, сорвав кран. Когда же им стало казаться, что оба они — роботы, один из приятелей нанес другому множество ножевых ранений, руками выдавил ему один глаз и затолкал в одну из ран цепочку. Позже он пояснил последнее действие желанием вызвать у друга-робота короткое замыкание[62].

В разных версиях повторялась одна и та же формула — «спайс — зло» [63]: «Это пипец, вот вам и безобидная легалка куришка», «жесть. Так ведь могут и случайным прохожим вырезать глаза», «жутко такое читать..». Звучали уже ставшие распространенными призывы ужесточить наказание за наркотики: «нужно как в азии, растреливать за наркоту!!!», «всех "пріятелей" жівітельной эвтаназіей наградіть», «ввести за торговлю спайсами прилюдный расстрел на октябрьской площади или заставлять скурить продавана КИЛОГРАММ этого говна», «нужны серьезные изменения в законодательстве. Однозначно ужесточение ответственности по ст. 328 УК, полумеры

[59] https://people.onliner.by/2014/03/21/tozik-o-spajsax
[60] https://people.onliner.by/2014/07/22/spais-5
[61] Там же.
[62] Там же.
[63] Там же.

тут не помогут», «всех наркотов и алкашей на мыло». Один из комментариев даже освещал настоящую теорию заговора: «Продажа спайсов — это Американская программа уничтожения русских (белорусов)». Вновь заявляется о том, что спайс — главная угроза существованию белорусского общества, и прежде всего молодежи.

Новость о нашумевшем преступлении быстро обросла подробностями. В деталях описывалось горе пострадавших и их родственников: «...на другом конце города, в казенных больничных стенах свои слезы льет мать пострадавшего Дмитрия… На осунувшемся от горя и бессонных ночей лице уже нет места ни удивлению, ни боли, ни раздражению…»[64]. В одной из статей говорилось о том, что «Гомельчанин, которому друзья выкололи глаза, видел белый свет»[65], сами молодые люди «бегали голыми, орали песни»[66]. Статья дополнялась историей о другом таинственном убийстве, предположительно случившемся в результате употребления синтетических наркотиков: «‹…› *мать он убил по велению некоего голоса*, который приказал ему: "Возьми нож и убей мать"»[67]. По словам журналистов, сама трагедия «заставила содрогнуться весь город и всю страну»[68].

На фоне обсуждения случившегося в СМИ очередной раз звучат призывы ужесточить наказание, усиливается ощущение страха[69]: «приравняйте наркоту к терроризму», «обращаюсь к Нашей Милиции — пожалуйста, вытравите эту дрянь из Нашей Республики», «Страшно за наше общество..», «Только смертная казнь решит эту проблему. За производство и распространение — РАССТРЕЛ без суда и следствия, для экономии времени».

Реакция СМИ и общественности на произошедшее вылилась в проведение очистительных ритуалов с новым размахом. В Гомеле, где произошло резонансное дело, прошли массовые публичные акции, направленные на борьбу со спайсом: «Колонна спецтранспорта примет участие в пробеге "против наркотиков". А за наркоманов помолятся священники и споют артисты»[70] — говорилось в одной из статей. В другой статье на этом же портале происходившие мероприятия освещались во всех деталях. В начале статьи использовалась метафора войны:

> Бодро и энергично стартовала в Гомеле серия мероприятий, посвященных проблеме наркотиков... Единым фронтом против заразы выступили физкультурники, духовенство, творческие коллективы... Как в этот день боролись со спайсом и удалось ли его победить — в нашем фотоотчете[71].

Таким образом, летом-осенью 2014 года моральная паника по поводу наркотиков продолжила набирать обороты. Представители провластных организаций и гражданские активисты участвовали в новых публичных акциях очищения и солидарности. Не прекращалась публикация статей о громких задержаниях наркоторговцев и смертях от спайса. Возникавшие в процессе «войны» казусы говорили об усиливающемся в обществе беспокойстве: «В Гродно воспитатель общежития приняла шумные игры студентов за отравление спайсом»[72].

[64] https://gomelnews.onliner.by/2014/08/05/pozdnie-slezy
[65] https://news.tut.by/society/408175.html
[66] Там же.
[67] Там же.
[68] Там же.
[69] https://people.onliner.by/2014/08/05/spais-7?xbttmwjzpezpojqg?xbttmwjzpezpojqg
[70] https://gomelnews.onliner.by/2014/09/05/probeg
[71] https://gomelnews.onliner.by/2014/09/06/stop-narko
[72] https://news.tut.by/kaleidoscope/419769.html

Зима 2014 : последняя вспышка моральной паники и принятие антинаркотического декрета. В конце октября — начале декабря произошла новая вспышка моральной паники. На момент происходивших в дальнейшем событий ситуация вокруг статуса спайса и его места в системе символических классификаций была более или менее однозначной: спайс окончательно начал идентифицироваться как неконтролируемое зло, эпидемия, темная сила, которая лишает белорусскую молодежь рассудка и жизни.

Многочисленные публикации о вреде спайса в СМИ и продолжавшиеся акции очищения установили в обществе консенсус по поводу того, чем являлись синтетические наркотики — врагом, с которым идет безжалостная война за будущее нации. Однако оставалось до конца неясным, кем является жертва. Несмотря на то, что сообщения о сходящих с ума и умирающих подростках публиковались относительно часто, ни с кем из них не удавалось поговорить напрямую. Они были анонимными жертвами преступлений, которые совершал спайс.

Вспышка публикационной и пользовательской активности произошла на фоне сообщений о передозировках спайсом у подростков. В конце октября сотрудники правоохранительных органов сообщили о том, что в Минске за 2014 год «от спайсов умерло 11 детей»[73]. Через несколько дней после публикации этого сообщения в столице происходит массовое отравление спайсом: «...в реанимации Республиканского центра по лечению острых отравлений Минской больницы скорой медицинской помощи оказались сразу 15 (!) человек в возрасте от 17 до 25 лет»[74]. В данной статье спайс вновь сравнивается с непреодолимой угрозой, с которой бесполезно бороться привычными методами: «…впервые создается впечатление, что медики перед бедой как будто бессильны. *Из-за спайсов здесь уже, как в прифронтовом госпитале*!»[75].

Опубликованное в республиканской газете экспертное мнение заместителя главного врача Минской клинической больницы скорой медицинской помощи и, по совместительству, «главного токсиколога Минздрава», уже на «официальном уровне» сообщало о начавшейся *спайс-эпидемии*:

> Как и многие мои коллеги, я обеими руками за то, чтобы на уровне законодательства ввести ответственность за потребление наркотиков. Такая позиция особенно быстро формируется здесь, образно говоря, *на линии фронта*, где масштабы беды ничем не завуалированы. Ведь *в основе столь стихийного распространения спайс-эпидемии лежит самый опасный механизм — вседозволенность и распущенность*. Под страхом наказания не пойдут лечиться, погибнут? Но *они ведь и так погибают*, осознанно и упорно! ... После кратковременного эффекта релаксации у человека возникает острый психоз, который выражается в неадекватном поведении, галлюцинациях, желании выйти в окно. Каждая вторая история болезни — это когда голый пациент ходит по улице, хулиганит, громит автомобили, в общем, ведет себя крайне вызывающе. Если говорить об отдаленных последствиях употребления курительных смесей, то такие пациенты в 8 раз чаще при выходе из психоза подвержены шизофрении. Девушки рискуют родить умственно отсталых или мертвых детей...[76]

Через несколько дней выходит новая публикация о нашумевшем случае наплыва пациентов в столичную больницу, в которой один из врачей делится своим мнением о новых наркотиках: «...после общения с потребителями

[73] https://sk.gov.by/special/ru/news-usk-gminsk-ru/view/ot-peredozirovki-spajsov-i-miksov-v-tekuschem-godu-v-minske-umerli-11-detej-367/

[74] https://news.tut.by/society/422282.html

[75] Там же.

[76] https://people.onliner.by/2014/11/04/spais-12

спайсов начинаешь ценить как пациентов потребителей героинов-метадонов». Здесь начинает создаваться образ жертвы, которая уже не вызывает сочувствия, потому что перешла на сторону врага: «Школота, такое впечатление, нынче является основной целевой аудиторией для этого продукта. И мозгов в голове меньше, да и доступен продукт чуть ли не проще, чем алкоголь»[77].

После «массовых отравлений спайсом» в Минске выходит история «героя» войны с наркотиками, которому удалось победить зависимость. Статья начиналась словами:

> Бывший наркоман Валерий (имя вымышленное) обратился в редакцию Onliner.by после того, как посмотрел на белорусском государственном канале передачу о спайсах. Таких передач в последнее время сняли десятки. ***О химическом самоуничтожении страны мы слышим каждый день, проблему забалтывают, но она не решается.*** Наш герой, человек из тумана, ***долгое время был живым трупом***. Про синтетические наркотики он знает многое еще с тех времен, когда дрянь в пакетах продавали легально, а люди в погонах, ныне обеспокоенные, смотрели на происходящее равнодушно. Валерий говорит: «***Вы даже не представляете масштабы наркотической атаки, которая захлестнула страну***»[78].

Через несколько дней после публикаций о жертвах спайса и бывшем наркомане Валерии, победившем зависимость, появляется статья, в которой происходит окончательная персонификация зла. Эта публикация вызывает всплеск обсуждений, а количество просмотров за период последней вспышки практически достигает максимума (наряду с историей Валерия). В статье «От 17-летнего спайс-наркомана прямо в больнице отказались родители»[79] подросток Леня рассказывал врачам и журналистам о себе и своих мотивах употребления спайса. В заключение корреспонденты опубликовали письмо Лени, которое было адресовано его родителям с просьбой о прощении и втором шансе.

В статье были высказаны мнения психологов и других специалистов. Некоторые из них неожиданно для подобных ситуаций стали на сторону родителей и выступили с осуждением Лени: «Целиком на стороне родителей! За два года наркопотребления можно довести до ручки самых терпеливых — никто из нормальных людей не отказывается от ребенка просто так»[80]; «Не стоит в этой ситуации пригвождать родителей к позорному столбу. Раз так поступили, значит, у них имелись на то веские основания»[81].

Большинство комментаторов[82] также были не на стороне подростка, многие высказывались в поддержку родителей: «Не удивительно, потерянный человек», «Я бы тоже отказался от сына наркомана!», «мало того что наркоман, так еще от этого УГ сто процентов мозг высушен, скоро слюни пускать начнет», «17 лет!- Наркоман... Да еще и еле пишет(((Что дальше!? Молодежь-Проснись!!», «Правильное решение, если за два года мозги не вправились, то ничего уже не поможет, я только за это!!!», «батька, набей ты ему еб... лицо», «а сколько таких в стране "лёнь-лавэ" созревают и скоро дадут о себе знать. страшно представить. целое поколение молодежи под угрозой».

[77] https://doktora.by/novosti-mediciny/kupit-spays-shkolota-nynche-yavlyaetsya-osnovnoy-celevoy-auditoriey-dlya-etogo?page=24

[78] https://people.onliner.by/2014/11/14/nark-20

[79] https://news.tut.by/society/423193.html

[80] Там же.

[81] Там же.

[82] https://people.onliner.by/2014/11/11/spais-13

Окончательно формируется не только образ врага, но и образ жертвы-предателя. Спайс не просто становится угрозой для физического, а затем и ментального тела молодых людей, он оскверняет их как символ «будущего нации», окончательно становясь *абсолютным злом*. Если в предыдущих историях жертвы «разрывали» свои отношения со спайсом по причине смерти или безумия, а сочувствовавшие читатели практически ничего не знали об их жизни, мотивах, ценностях и т. д., то теперь сообщество столкнулось с более серьезной проблемой: спайс *совращает* молодежь, трансформирует их, лишает возможности быть спасенными.

История Лени заканчивается тем, что его забирают родители и он снова возвращается к наркотикам. Сотрудники одной из крупнейших республиканских газет вспоминают письмо Лени и говорят о нем как о примере «абсолютной неспособности пораженной наркотиком личности отвечать за свои слова и поступки» [83], тем самым завершая персонификацию образа жертвы, ставшей врагом.

Уже после публикации историй о «пропащем» спайс-наркомане Лене и «спасшемся» наркомане Валерии публикуется новая статья про анонимного наркомана под названием: «Записки трезвеющего наркомана. На волоске от срыва: "При виде спайсов бешено заколотилось сердце"»[84]. В этой статье Олег[85] говорит о том, что современные синтетические наркотики — самое опасное из того, что он испробовал за свой долгий «стаж»: «И если с наркотиками "старого поколения" я еще хоть немного мог повлиять на ситуацию, *то с современными — "порохом", "скоростью", спайсами — полностью утратил над ней контроль*»[86].

В этот же день президент выступил перед студентами и преподавателями Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка. Он заявил о проблеме спайса и будущем ужесточении антинаркотической политики: «Мы ужесточим законодательство, карательные функции будут тоже ужесточены»[87]. Тем самым, осуждение проблемы спайса доходит до самого высокого уровня.

В декабре, после «очередных» случаев ужасающих убийств и кощунственных преступлений («19-летний парень убил бабушку своей девушки ради денег на спайс и спиртное»[88], «Минчанин курил спайс, присматривая за 2-летней племянницей»[89]), сообщений о массовом увлечении наркотиками («МВД: в Беларуси около 70 тысяч человек употребляют спайсы»[90]) и серий очистительных акций («В Гомеле прошел показательный суд над потребителем спайса: "После него очень плохо, врагу не пожелаешь!"»[91], «Студенты Белорусского Государственного Технологического Университета присоединились к акции "Я против спайса"»[92], «Выездной суд над распространителем спайса. Мать на коленях умоляла помиловать сына»[93], «В Могилевской области в декабре во всех вузах создадут антинаркотические

[83] https://news.tut.by/society/424269.html
[84] https://news.tut.by/society/424525.html
[85] Как ни странно, он тоже был наркоманом с 15-летним стажем.
[86] Там же.
[87] https://people.onliner.by/2014/11/21/lukashenko-140
[88] https://news.tut.by/accidents/424404.html
[89] https://news.tut.by/accidents/427072.html
[90] https://news.tut.by/society/424684.html
[91] https://news.tut.by/society/425326.html
[92] https://news.tut.by/press/426287.html
[93] https://news.tut.by/society/426518.html

дружины»[94]) проходит совещание по вопросам противодействия незаконному обороту наркотиков, в рамках которого Лукашенко заявляет о том, что проблема спайса рассматривается на самом высоком уровне, законодательство в сфере контроля наркопотребления будет ужесточаться, а ситуацию с наркотиками можно исправить, если способствовать формированию «мировоззрения, основанного на традиционных для нашей страны христианских ценностях и прочих»[95].

В продолжение алармистской риторики была опубликована третья часть «Записок» с названием «Записки трезвеющего наркомана. "Идет реальная химическая война!"»[96], в которой он поделился «новостями из трезвой жизни и своим видением эффективной борьбы с наркоманией»[97]. Олег вновь повторяет слова экспертов о том, что положение в стране очень тяжелое и буквально каждый подросток является спайс-наркоманом.

В конце 2014 года моральная паника достигает своего пика. Наперебой звучат призывы к радикализации мер борьбы против «спайс-эпидемии», публикуются сообщения о том, как спайс-наркоманы нападают на врачей скорой помощи, продолжаются «страшные истории» о том, как спайс-наркоманы «вспарывают себе животы». Регулярно проводятся показательные суды над несовершеннолетними.

17 декабря выходит статья «2014-й в лицах: 14 героев, которые "сделали" этот год»[98]. В ней антинаркотическая повестка в СМИ достигает своего апогея. Подводя итоги, редакция называет «жертвой года» спайс-наркомана Леню, который так и не смог справиться со своей зависимостью. При этом сотрудники портала признавали, что Леня превратился в символ, воплотивший в себе «весь наркотический *ужас-абсурд*, который происходит в стране»[99]. Более того, в статье говорится и о той роли, которую журналисты сыграли в новой антинаркотической «войне»: «Экономика не домодернизирована, тень девальвации накрывает страну, *молодежь травится спайсами, а мораль и нравственность густо присыпаны нафталином*. Примерно такую информационную картину рисуем мы, журналисты»[100].

На пике общественного обсуждения и беспокойства, в конце декабря 2014 года, принимается Декрет № 6. Принятие этого декрета символизировало начало нового этапа «антинаркотической войны» в Республике Беларусь, после которого моральная паника по поводу синтетических наркотиков постепенно пошла на спад.

3 этап — завершение моральной паники

В СМИ продолжали публиковаться новости о борьбе со спайсом. Начался суд по громкому делу о «вырезанных глазах»[101], на котором освещались новые, пугающие подробности. Стали оглашаться приговоры по резонансным делам 2014 года о торговцах спайсом. На фоне нового антинаркотического декрета все чаще стали приходить сообщения о задержаниях подростков.

[94] https://news.tut.by/society/426694.html
[95] https://news.tut.by/society/426511.html
[96] https://news.tut.by/society/427162.html
[97] Там же.
[98] https://people.onliner.by/2014/12/17/geroi
[99] Там же.
[100] Там же.
[101] https://people.onliner.by/2014/12/17/sp-11; https://people.onliner.by/2015/03/11/sp-15; https://news.tut.by/society/439706.html

Если 2014 год прошел под знаком «преступления», то 2015 и последующие годы — под знаком «наказания». Ужасные смерти и безумства сменялись громкими задержаниями и судами, еженедельно мелькали статьи о заблокированных интернет-магазинах и больших сроках по новому декрету: 8, 15, 20 лет. В начале 2015 года еще приходят сообщения о жертвах спайса, которые находятся в отделениях токсикологии или на реабилитации, однако они публикуются все реже. Летом 2015 года, спустя полгода после принятия декрета, сотрудник Главного управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми признается, что «пока не удалось сократить количество наркопреступлений с участием подростков»[102], а общее количество наркопреступлений выросло почти в два раза, со 160-ти в 2014 году до 231-го в 2015[103]. Отмечалось, что в результате проводимой в стране жесткой антинаркотической политики удалось лишь сократить уровень продажи спайса, при том, что «наркопотребители возвращаются к "традиционным" дурманящим веществам, например, к опию и марихуане»[104].

Громкие суды над крупными торговыми сетями были основной темой 2015–2016-х годов. Резонансный пример — расследование преступлений «торговцев смертью» или «группы Зайцева». Она обозначалась как международная преступная организация, действовавшая на территории Беларуси, силами которой были созданы три интернет-магазина по продажам наркотиков. Комментаторы[105] остро отреагировали на раскрытие преступной группировки и публикацию фотографии самого Зайцева: звучали призывы к публичным наказаниям («нужно показательно наказать, причем так, чтоб даже в руки страшно было бы взять эту дрянь. иначе просто так это бедствие не остановить», «кастрировать публично и отпустить!»), смертной казни («Кого-то ждет вышечка!», «Что на счет расстрела после поимки?», «Завалить мракобеса!!!»). С другой стороны, все больше комментаторов демонстрировали недоверие или раздражение по поводу новости: «Когда уже закончится реклама спайса?», «сначала крышевали а потом слили))», «Да ладно, прям таки и нашли... Не верю, что 24 летний гражданин закрутил такую схему...», «Я вот тоже стал читать статью, и вспомнил почему-то рассказ "Скотный Двор", где недалекие животные верили всему, что им говорили свиньи)», «хах! малолетку какую-то нашли! ну кто поверит, что это дитё горькое может что-то сделать??? словили шоху, а трубят, что подвиг совершили... позор!!!».

В августе 2015 года «торговцам смертью» предъявили первые обвинения[106], в то время как сам лидер на тот момент был объявлен в розыск, а в марте этого же года суд вынес первые приговоры одиннадцати членам преступной группировки[107]. Здесь имеющийся консенсус по поводу наркотиков все еще сохранялся. Комментаторы высказывали одобрение действиям властей, некоторые призывали ужесточить наказания, многие были удовлетворены вынесенным решением суда, опять звучали призывы к смертной казни. В начале 2016 года по такому же сценарию развивалось дело второй крупной сети, торговавшей синтетическими наркотиками, которая носила название LegalMinsk[108]. Параллельно этому делу шел суд над 14 сотрудниками магазина OrigLegal[109].

[102] https://people.onliner.by/2015/07/21/posle-vvedeniya-dekreta-6
[103] Там же.
[104] https://people.onliner.by/2015/07/21/posle-vvedeniya-dekreta-6
[105] https://people.onliner.by/2015/02/17/sp-12
[106] https://news.tut.by/society/460782.html
[107] https://news.tut.by/society/487312.html
[108] https://news.tut.by/society/520532.html
[109] https://news.tut.by/society/495013.html

В связи с делом «торговцев смертью» выясняется, что погибшая в 2014 году студентка БГУ употребляла спайс, который был продан «группой Зайцева». В отличие от новостей предыдущего периода, здесь комментаторы разделились на тех, кто выступал с одобрением действий правоохранительных органов, и тех, кто считал, что дело незначительное или «фейковое»[110]: «И убийство Кеннеди на группу Зайцева повесьте», «Никому не интересно», «повесьте уже всех, кто умер, на этот интернет магазин!!! это ж проще всего!», «группа зайцева что запихивала ей этот спайс сама купила и употребила не леденец вроде бы покупала», «ни в коем случае не оправдываю барыг, но вешать на них все висяки — халтура со стороны органов», «теперь еще для пущего резонанса народного надо обнаружить, что и гомельские вырезанные наркотами у наркота глаза — тоже проделки страшных людей из группы Зайцева».

В 2017 году моральная паника по поводу синтетических наркотиков окончательно сходит на нет. Завершение историй 2014 года поставило точку в войне со спайсом, что привело к максимальному снижению пользовательской и публикационной активности до показателей 2009 года, когда синтетические наркотики только начали появляться на белорусском рынке.

С забвением спайса как символа, который в течение нескольких лет объединял белорусов, пропал и консенсус по отношению к проводимой в стране антинаркотической политике. Все чаще стали звучать требования гуманизации статьи 328 и пересмотра антинаркотического декрета. В 2018 году заявляет о себе движение «матери 328», которое начинает символизировать недостатки предпринимаемых государством мер в отношении проблемы наркопотребления: «Матери осужденных по статье 328 два дня голодали под стенами СИЗО в Минске»[111], «Десятки родных осужденных за наркотики пришли к парламенту, который не рассмотрел послабления в УК»[112], «Депутаты вновь рассмотрят послабления по «наркотической» статье, исключенные при голосовании ранее»[113]. Параллельно в СМИ публикуются «итоги» антинаркотической кампании: «Каждый третий осужденный в Беларуси, напомним, сидит за наркотики — более 13 тысяч человек…»[114]. В сентябре 2019 года президент Лукашенко заявляет о возможной гуманизации антинаркотической статьи, начинаются первые оправдательные приговоры, часть осужденных выходит по амнистии[115].

Заключение и дискуссия

В завершение статьи следует вернуться к центральному тезису настоящего исследования: факторы власти и трансформации социальной иерархии не могут досконально объяснить причины появления и динамику моральных паник; прежде всего эти факторы связаны со смысловой реальностью культуры. Как минимум, именно такую картину удалось обнаружить в результате изучения моральной паники по поводу синтетических наркотиков в Беларуси.

Бóльшая часть резонансных статей практически не содержала в себе отсылок к каким-либо групповым интересам (помимо интересов нации в

[110] https://people.onliner.by/2016/05/11/masha3
[111] https://news.tut.by/society/610876.html
[112] https://news.tut.by/society/619941.html
[113] https://news.tut.by/society/627804.html
[114] https://news.tut.by/society/628802.html
[115] https://news.tut.by/society/651817.html

целом), вопросам власти и социального статуса. При этом содержание публикаций изобилует «ужасающими» и «жуткими» историями о совершаемых в приступах безумия кровавых преступлениях. Все эти репрезентации можно было свести к одной формуле: заражение спайсом приводит к осквернению, *человеческое соединяется с нечеловеческим*, в результате чего появляется ужасающая «*мерзость*»: жертвы спайса, превращающиеся в «овощи», животных, роботов и одержимых.

Те публикации, в которых так или иначе содержались ссылки на групповые интересы, тем более на интересы среднего или высшего класса, не пользовались особой популярностью. «Героев» резонансных статей первой вспышки моральной паники можно было бы (условно) назвать представителями привилегированных групп. Тем не менее, то, что под угрозой оказалась «золотая молодежь» или «самые обычные дети», т. е. дети среднего класса, не вызывало у комментаторов бурной реакции. Они обращали свое внимание на загадочность и мистику, что окутывали оба дела, слухи о передозировках неизвестными веществами при первоначально невыясненных обстоятельствах, опасность нового, ранее неизвестного наркотика. Все эти сюжеты являются одним из признаков осуществляемой в символическом пространстве социальной драмы, когда идет речь о смысловых и эмоциональных аспектах коллективной жизни, а не о каких-либо утилитарных мотивах [Kurakin 2018]. Последующие резонансные публикации также не были связаны с классовыми интересами. История про «вырезанные глаза», произошедшая во время одной из вспышек моральной паники, была «жуткой» именно в силу обстоятельств осуществленного преступления, напоминавшего кровавый ритуал; сами пострадавшие были скорее представителями рабочего класса. Последующее судебное разбирательство, во время которого СМИ ставили акцент на речах подсудимых об «Иисусе, Аллахе и Дьяволе»[116], лишь укрепляет это предположение.

Символами третьей вспышки моральной паники стали два наркомана, бывший-взрослый и нынешний-подросток. Таким образом, единственным «общим» признаком, который сопровождает все три вспышки моральной паники, помимо уже названных «жутких» историй про зловещий спайс и кровавое безумие, является то, что жертвы резонансных статей — подростки либо недавно вышедшие из подросткового возраста молодые люди. Является ли моральная паника по поводу синтетических наркотиков в Беларуси беспокойством, вызванным неконтролируемым культурой взрослением, «хаотичным и неорганизованным вступлением в гражданское общество новых, ранее не заслуживающих доверия социальных субъектов»? Действительно, семья и молодежь — «символический центр» белорусского общества, однако «подростки» в этой классификации наделены скорее переходным, трансгрессивным статусом; их неконтролируемое, «хаотичное» взросление часто вызывает опасение у старшего поколения. Так или иначе, возрастные когорты являются достаточно жестким социологическим параметром, что создает условия для дальнейших, более тщательных проверок этой гипотезы.

Последний, заслуживающий внимания «герой» моральной паники в Беларуси — СМИ. Однако и в этом случае наблюдались некоторые расхождения с выводами, к которым в свое время пришли Коэн, Янг, Холл и др. В рассматриваемом примере именно СМИ оказались основным агентом

[116] https://news.tut.by/society/439706.html

и катализатором общественного беспокойства и «раскручивали» спираль означения, добавляя к спайсу все новые и новые смыслы.

Если в целом роль СМИ в протекании моральных паник — вопрос хорошо изученный, то одна из особенностей белорусского кейса вызывает особый интерес. Активными агентами моральной паники стали не только провластные СМИ, воспроизводящие консервативную[117] риторику, но и позиционировавшие себя как оппозиционные или независимые крупные интернет-порталы, на «страницах» которых развернулась жесткая антиспайсовая кампания. В упомянутых выше исследованиях СМИ скорее выступали «рупором» господствующих элит и продвигали политику усиления социального контроля среди подвластных и инертных «масс». В случае Беларуси происходила обратная ситуация: независимые и оппозиционные СМИ обвиняли власть и институты контроля в бездействии, призывали к более жесткому решению наркотического вопроса, самостоятельно проводили журналистские расследования. Был ли имевшийся перед принятием декрета консенсус между общественностью, независимыми и оппозиционными СМИ, правительством и консервативно настроенными экспертами продиктован «скрытыми» факторами власти и классовых интересов, или всех этих агентов объединила коллективная эмоциональная реакция на возникшее в обществе ощущение упадка и морального разложения — этот вопрос также нуждается в более детальной проработке.

Так или иначе, анализ публикационной и пользовательской активности позволил выявить основные стадии протекания моральной паники, которые в целом согласуются с аналогичными в работах Коэна и дополняют их. Мы увидели, как появление реального или воображаемого явления — синтетических наркотиков — не имеющего четкого места в системе символических классификаций и обладающего «переходным статусом» между «легально-безвредными» и «нелегально-вредными» веществами, привело к активности со стороны «моральных предпринимателей» и последующим заявлениям в СМИ об угрозе моральному порядку. Эти заявления усилились описанными в медиа случаями осквернения символического центра общества (семья и молодежь), что вызвало моральную панику. В результате этого распространился консервативный дискурс и запустились механизмы символического очищения, способствовавшие стабилизации систем символических классификаций и рутинизации.

Перейдя в начале моральной паники из профанного состояния в сакральное, спайс, классифицированный как *абсолютное зло* и персонифицированный в различных «торговцах смертью», был окончательно побежден на символическом фронте судебных заседаний, вернувшись к своему профанному состоянию. Здесь проявилось свойство транзитивности зла. Спайс исчез параллельно на двух уровнях: на рынке наркотиков он уступил место более «классическим» аналогам; в символической реальности культуры он был побежден как «зло» и, тем самым, предан забвению.

Литература

Беккер, Г. (2018). *Аутсайдеры: Исследования по социологии девиантности*. М.: Элементарные формы.

[117] Как это было в 2008–2009 годы, когда спайс только появился на белорусском рынке.

Дюркгейм, Э. (2018). *Элементарные формы религиозной жизни*. М.: Элементарные формы.

Alexander, J. C. (2013). *The dark side of modernity*. Cambridge: Polity.

Alexander, J. C., Giesen, B., Mast, J. L. (2009). *Social performance: Symbolic action, cultural pragmatics and ritual*. Cambridge: Cambridge University Press.

Armstrong, E. G. (2007). Moral panic over meth. *Contemporary Justice Review*, *10*(4), 427–442.

Ben-Yehuda, N. (1986). The sociology of moral panics: Toward a new synthesis. *The Sociological Quarterly*, *27*(4), 495–513.

Cohen, S. (2015). *Folk devils and moral panics: The creation of the Mods and Rockers*. London: Routledge, Taylor & Francis Group.

Couchman, M. (2019). Medicine, moral panic, and the international context of Canadian cannabis prohibition. *Pharmacy in History*, *61*(3–4), 89.

Denham, B. E. (2008). Folk devils, news icons and the construction of moral panics. *Journalism Studies*, *9*(6), 945–961.

Goode, E. (2008). Moral panics and disproportionality: The case of LSD use in the sixties. *Deviant Behavior*, *29*(6), 533–543.

Goode, E. (2020). *Drugs in American society*. New York: McGraw-Hill Education.

Goode, E., Ben-Yehuda, N. (1994). Moral panics: Culture, politics, and social construction. *Annual Review of Sociology*, *20*(1), 149–171.

Hall, S., Roberts, B., Clarke, J., Jefferson, T., Critcher, C. (1978). *Policing the crisis*: *Mugging, the state, and law and order*. Basingstoke: Macmillan.

Hawdon, J. E. (2001). The role of presidential rhetoric in the creation of a moral panic: Reagan, Bush, and the war on drugs. *Deviant Behavior*, *22*(5), 419–445.

Hier, S. P. (2002). Raves, risks and the ecstasy panic: A case study in the subversive nature of moral regulation. *Canadian Journal of Sociology/Cahiers Canadiens De Sociologie*, *27*(1), 33.

Hollywood, B. (1997). Dancing in the dark: Ecstasy, the dance culture, and moral panic in post ceasefire Northern Ireland. *Critical Criminology*, *8*(1), 62–77.

Kurakin, D. (2018). The cultural mechanics of mystery: Structures of emotional attraction in competing interpretations of the Dyatlov pass tragedy. *American Journal of Cultural Sociology, 7*(1), 101–127.

Meylakhs, P. (2006). The discourse of the press and the press of discourse: Constructing the drug problem in the Russian media. In C. Critcher (Ed.). *Critical readings: Moral panics and the media*, 175–188. Maidenhead, Buckingham: Open University Press.

Murji, K. (2020). *Policing drugs*. London: Routledge.

Young, J. (1971). *The drugtakers: The social meaning of drug use.* London: Paladin.

References

Alexander, J. C. (2013). *The dark side of modernity*. Cambridge: Polity.

Alexander, J. C., Giesen, B., Mast, J. L. (2009). *Social performance: Symbolic action, cultural pragmatics and ritual*. Cambridge: Cambridge University Press.

Armstrong, E. G. (2007). Moral panic over meth. *Contemporary Justice Review*, *10*(4), 427–442.

Becker, H. S. (2018). *Outsiders: Studies in sociology of deviance*. Moscow: Elementarnye formy. (In Russian).

Ben-Yehuda, N. (1986). The sociology of moral panics: Toward a new synthesis. *The Sociological Quarterly*, *27*(4), 495–513.

Cohen, S. (2015). *Folk devils and moral panics: The creation of the Mods and Rockers*. London: Routledge, Taylor & Francis Group.

Couchman, M. (2019). Medicine, moral panic, and the international context of Canadian cannabis prohibition. *Pharmacy in History*, *61*(3–4), 89.

Denham, B. E. (2008). Folk devils, news icons and the construction of moral panics. *Journalism Studies*, *9*(6), 945–961.

Durkheim, E. (2018). *The elementary forms of the religious life*. Moscow: Elementarnye formy. (In Russian).

Goode, E. (2008). Moral panics and disproportionality: The case of LSD use in the sixties. *Deviant Behavior*, *29*(6), 533–543.

Goode, E. (2020). *Drugs in American society*. New York: McGraw-Hill Education.

Goode, E., Ben-Yehuda, N. (1994). Moral panics: Culture, politics, and social construction. *Annual Review of Sociology*, *20*(1), 149–171.

Hall, S., Roberts, B., Clarke, J., Jefferson, T., Critcher, C. (1978). *Policing the crisis*: *Mugging, the state, and law and order*. Basingstoke: Macmillan.

Hawdon, J. E. (2001). The role of presidential rhetoric in the creation of a moral panic: Reagan, Bush, and the war on drugs. *Deviant Behavior*, *22*(5), 419–445.

Hier, S. P. (2002). Raves, risks and the ecstasy panic: A case study in the subversive nature of moral regulation. *Canadian Journal of Sociology/Cahiers Canadiens De Sociologie*, *27*(1), 33.

Hollywood, B. (1997). Dancing in the dark: Ecstasy, the dance culture, and moral panic in post ceasefire Northern Ireland. *Critical Criminology*, *8*(1), 62–77.

Kurakin, D. (2018). The cultural mechanics of mystery: Structures of emotional attraction in competing interpretations of the Dyatlov pass tragedy. *American Journal of Cultural Sociology, 7*(1), 101–127.

Meylakhs, P. (2006). The discourse of the press and the press of discourse: Constructing the drug problem in the Russian media. In C. Critcher (Ed.). *Critical readings: Moral panics and the media*, 175–188. Maidenhead, Buckingham: Open University Press.

Murji, K. (2020). *Policing drugs*. London: Routledge.

Young, J. (1971). *The drugtakers: The social meaning of drug use.* London: Paladin.